

Слово и тело

В этих заметках речь пойдет телесности слова. Вообще-то слово по определению телесно: его исходным локусом является тело, оно рождается из тела и в него же возвращается. Но есть и другая сторона «телесности» слова, о которой и пойдет речь - я имею в виду традиционные представления о природе слова, его субстанции, способах его «создания» и усвоения.

«Развязывание языка». В соответствии с народными представлениями ребенок рождается со «связанными» руками, ногами, языком, с «закрытыми» глазами и ушами. В течение первых 6-7 лет происходит их «развязывание» и «открытие». Причем считалось, что способности видеть, слышать, ходить, говорить и др. появляются не «сами по себе», а в результате выполнения необходимых ритуальных предписаний и совершения специальных обрядов. Например, в Витебской губернии (как, впрочем, и во многих других местах) были распространены представления о том, что «еще в материнской утробе ножки каждого дитяти связываются невидимыми путами [...] У иных детей эти путы крепче: такие дети долго не ходят. Тогда нужно «разрезать путцы и освободить» дитя. К головке дитяти привязывается «куделя», и мать без веретена прядет возможно длинную и толстую нитку, делает из нее путо, которым опутывает дитя, и, поставив его на «дыбки», одним взмахом ножа разрезает путо промеж ног» (Никифоровский 1897, с. 29). Аналогичные представления были связаны с языком. Ребенок не умеет говорить потому, что его язык находится в «связанном» состоянии. Поэтому, например, в Заонежье, после первых произнесенных ребенком слов, трижды «чикали» ножницами у рта ребенка, освобождая его язык (Логинов 1993, с. 86).

Гораздо чаще нитями, связывающими язык ребенка, представлялись его собственные волосы. Вероятно, именно поэтому существовал устойчивый запрет стричь волосы до года или до произнесения первых слов. «Ребенку до

году не стригут волосы – «чтобы не отрезать язык», то есть ребенок не будет говорить. Стригут, когда ребенок говорит хотя бы несколько слов» (Мазалова 2001, с. 118; ср.: Дивильковский 1914, с. 599; Зеленин 1991, с. 331; Добровольская 2001, с. 102 и др.)¹. Соответственно, обряд первой стрижки волос символизировал и «развязывание языка» (см. подробнее: Байбурин 1991, с. 260-262).

В народных представлениях волосы связаны не только с даром речи, но и с умом². Ср.: «До года не стригут – ума меньше будет» (Мазалова 2001, с. 118). Показательно, что в Полесье первые остриженные волосы «родители могут сохранять, как и пуповину, и дать распутать их ребенку, когда он уже набрался ума-разума» (Кабакова 2001, с. 130). Уже приходилось писать об обряде «развязывания ума», заключительном в серии «развязываний» (Байбурин 1995). Он совершался позже, в возрасте 5-7 лет, когда ребенку предлагалось развязать пуповину, завязанную при его рождении. Считалось, что если он сможет ее развязать, то тем самым освободит от пут свой ум. Судя по полесским материалам, наряду с пуповиной могли использоваться и первые остриженные волосы.

Обретение дара речи означает утрату особого детского знания. До этого времени дети считаются Божьими ангелами, которым все известно, но *говорить* не велено. Дети понимают язык ангелов до тех пор, пока не научатся говорить. Однако, если приглядеться к тому, что делают младенцы, можно узнать, что произойдет в будущем, поскольку ими водит Божья сила (Сержпутоускі 1998, с. 184)³. На подобных представлениях основаны многочисленные приметы по поведению детей, например: «Когда детишки на проталинках играют и ложатся животом на землю, к ранней и теплой весне» (Яковлев 1906, с. 172) и подобные.

¹ Любопытно, что, например, в Олонецкой губернии мальчика стригли тогда, когда он «в первый раз засмеется» (Михайловская 1925, с. 624). Тем самым смеху придавалось то же значение, что и слову.

² А также с памятью. В Вятской губернии считалось, что «сон будешь помнить до тех пор, пока не пошевелишь свои волосы» (Гаген-Торн 1933, с. 82). Ср. также роль волос в таких сферах, как гадание и прорицание.

³ «Дзецям усе вядома, бо яны Божья анелкі. Толькі ім не велено аб том казаць, каб мы не забягалі волі Боскае Але калі прыглядацца к таму, што уперад будзе, толькі трэа умець тое разгадаць Дзіця ншчого не робиць сваяволно, а ім водзіць Боская моц» (Сержпутоускі 1998, с. 184).

Дети, не умеющие говорить – безгрешны. Само понятие греха применимо лишь к тем, кто владеет словом. Более того, слово может представляться воплощением греха. Поэтому о не умеющем говорить ребенке говорили: «Он/она еще и греха не знает». Овладение словом выводит ребенка из «ангельского чина», он перестает быть носителем божьей воли. Слово открывает путь к другому, «грешному» знанию.

Детское знание не нуждается в словах, оно как бы в принципе не вербализуется, а выражается другими способами, прежде всего – в поведенческих актах. Взрослое знание нуждается в словесном выражении, требует не естественных, а искусственных форм проявления и в первую очередь – с помощью слов. Поэтому знание, а тем более особое, колдовское знание – грех и от него нужно освобождаться перед смертью, т.к. человек должен вернуться в исходное («ангельское») состояние. Вероятно, на этой идее основан обряд передачи колдовского знания, заключенного в особых словах. Что же касается обычного человека, то его очищение заключается в последней исповеди, во время которой вместе с последними словами должны уйти все его грехи. Но и это еще не все. Он должен не только прекратить говорить, но и слышать то, что произносят другие, т.е. перестать воспринимать слово. И в этом смысле очень показательны, что по народным представлениям, усопший утрачивает способность слышать только после отпевания (Смирнов 1920, с. 35). Как и в других случаях (ср. *петый волос* – о женщине) отпевание является знаком необратимости (ср. *отпетый дурак* – ‘окончательный’, ‘безнадежный’).

Задержки в развитии речи могли объясняться тем, что были нарушены соответствующие запреты и предписания. Кроме запрета стричь волосы (и ногти) к их числу относится, например, запрет кормить ребенка рыбой и рыбьим отваром до тех пор, пока не заговорит, иначе – «будзе нямое бы рыба» (Сержпуютоскі 1998, с. 184). Широко распространен запрет беременным шить в воскресные и праздничные дни – «зашьешь ребенку рот» (см. напр., Стефанов, 1888, с. 160). В. Даль приводит широко распространенное предписание «Младенцам не давать целоваться: долго немые будут» (Даль 1955, II, с. 332). В этом контексте поцелуй явно рассматривается как вариант «замыкания уст».

Если ребенок долго не начинает говорить, его носили на колокольню.

Например, у русских Карелии существовал такой обычай: «У нас как ребенок в детстве долго не говорит, в колокольню под большой колокол вот и посадят ребенка, а сторож стоит да звонит-названивает:

Я звоню-звоню-звоню

а тебе тое говорю:

какой звонкий колокол,

такой будь у тя, младенца, разговор!

И нося раз, два, пятнадцать под этот колокол» (Русские заговоры Карелии 2000, с. 62.). Смысл этого обычая вполне прозрачный.

Для обретения дара речи существовали и другие способы. В Заонежье над головой ребенка разламывали лучинку, или специально выпеченный для этой цели хлеб (Логинов 1993, с. 86); в Полесье разрезали т.наз. забытный (т.е. забытый в печи) или двойной хлеб, а также хлеб, найденный на дороге (Кабакова 2001, с. 129; Сержпутоускі 1998, с.184). Подобные действия органично вписываются в общий комплекс мер, направленных на «открытие речи».

Более интересными представляются случаи, когда для «освобождения языка» ребенку давали что-либо выпить или съесть, но при этом еда или питье должны были отличаться от повседневных. Например, в Белорусском Полесье давали ребенку съесть хлеб, или любые другие съедобные продукты, найденные на дороге (Сержпутоускі 1998, с. 184). «В Лесковацкой Мораве, в с. Лепстинце если ребенок долго не начинает говорить, делают так. Все домашние моют руки в одной воде, на ней замешивают хлебец - *кравайче*, дают его ребенку надкусить с трех сторон, затем ребенка, *кравайче* и все ложки в доме кладут в мешок и кто-то из домашних с этим мешком трижды обходит вокруг дома (Панкова 1993, с.67). В Хорватии на крестинах кум оделял присутствовавших обрядовым хлебом со словами: «Ешьте пупок, чтобы ребенок быстрее заговорил» (Панкова 1993, с. 64).

Приведенные данные свидетельствуют прежде всего о том, что слову приписывалась двойственная природа. С одной стороны, слово слышится, оно

звучит и проявляет себя именно в звуках. С другой стороны, оно рождается во рту, с помощью языка и уже поэтому соотносится с едой. Обретение дара речи может происходить как через уши, так и через рот. Отсюда, вероятно, и двойная стратегия в тех случаях, когда ребенок долго не говорит. Ему можно помочь либо особым звуком (колокольным звоном), либо особой пищей.

Передача слова. Если судить по таким, напр., текстам, как заговоры, слово передается не только и даже не столько акустическим путем. Слова заговора обычно наговариваются на какой-то предмет, который становится своего рода транспортным средством для доставки слов к месту назначения (к адресату). Обратимся к сборнику великорусских заклинаний Л. Майкова (Майков 1994).

№1. «Говорится на пряник, который должен быть подарен любимой девушке».

№3. «Наговаривается на хлеб, вино и проч., что дается привораживаемому, также на его следы».

№8. Наговаривается на пищу и питье, которые дают привораживаемому лицу, или на его след».

№10. «Наговаривается на пищу или питье, которые дают привораживаемому, или на след его».

№ 18. «Читается до восхода солнца на зоре над чем-нибудь съестным, что после и дается девице».

№ 19. «Читается на подаваемое питье»

№ 22. «Молодец ловит и колет голубя, достает из него сало, на сале месит тесто, печет из него калачик либо кокурку или т.п. и этим кормит любимую девушку, приговаривая...».

№ 28. «Говорить на кислое яблоко; когда говоришь первые 12 слов, ударяй ножом в яблоко; как точка, так тут и ударь ножом; а говорить в самую полночь»

Такие инструкции можно приводить до бесконечности. Из них следует, что слова (во всяком случае заговорные слова) менее всего предназначены для ушей. Показательно, что слова заговора нашептывают, бормочут, произносят их нарочито неразборчиво даже в тех случаях, когда адресат находится рядом (об особых регистрах исполнения заговоров у восточных славян см. Раденкович 1999, с. 201-203). Например, при лечении больного обращаются опять-таки не

непосредственно к нему, а наговаривают на какой-нибудь предмет, который затем дают больному. Слово в любом случае входит в тело, но не обязательно через уши. Особое слово требует и особого пути.

Усвоение слова. Даже по приведенным контекстам видно, что наиболее распространенным способом является его проглатывание (выпивание) пропускание через себя в буквальном смысле. Таким же образом (через рот) человек обретает знания и умения. В одной из статей автора говорилось о том, что в соответствии с народными представлениями обретение знаний представляется физиологическим процессом, ближайшим аналогом которого является поглощение еды и питья (см. подробнее: в Байбурин 1998, с. 494-499). Там же приводился обряд посвящения девочки в пряжи, зарегистрированный у русских и белорусов. Первую самостоятельно выпряденную девочкой нить сжигали, растворяли пепел в воде и заставляли ее выпить, говоря, что в противном случае девочка не будет уметь прясть. В сказке герой намеренно или по неведению съедает или выпивает нечто (например, уху, сваренную из змеи) и узнает язык трав, деревьев, животных. С подобного рода представлениями связан, видимо, и сказочный (впрочем, не только сказочный) запрет есть и пить что-либо в ином мире. Нарушивший этот запрет навсегда остается в чужом пространстве. Другими словами, отведавший иную пищу узнает чужое и забывает свое («не пей, козленочком станешь»).

Приведу еще несколько примеров.

Проглотить можно даже собственные мысли. В этом отношении характерен комментарий исполнительницы заговора: «сама съела то, что подумала, сама и съела» (Русские заговоры Карелии 2001, №108).

При посвящении в колдовство «колдун ведет тебя в баню на зори, он попросит, она выскочит, скакуха, эту скакуху нужно проглотить в себя» (Мазалова 1977, с. 26). Т.е. для получения колдовского знания тоже необходимо что-то съесть (в данном случае лягушку).

Показательно, что в загадках книга описывается в кулинарных терминах:

«Один заварил,
Другой налил,
Сколько не хлебай,

А на любую артель еще станет» (Садовников 1959, № 2236). Ср. там же загадку о «слове человеческом»: «Что слаще и что горше?» (№.2438). Слова (как и книги) *проглатываются, перевариваются, пробуются на вкус.*

Видимо, кулинарный код являлся оптимальным для описания таких концептов как слово и знание в народной культуре.

Если продолжить комментарии к заговорам, то можно увидеть, что слово может быть усвоено и тактильным путем.

№ 23. Мужчина должен хорошенько вспотеть и, обтершись пот платком, тем же платком должен утереть любимую женщину, приговаривая про себя...».

№ 25. «Плюнуть на руку и говорить наговор на слюну, потом ударить невздогадь девицу или женщину против сердца; или же наговорить на кушанье или на питье и дать ей пить или съесть».

№ 26. «Говорить трижды на иглу новую, которою еще не шили, и на суровую нитку, продетую игле в уши; наговоря, продеть иглу и с ниткой сквозь платья женского, против сердца, сзади или спереди».

На этот же способ указывает и державшийся несколько столетий в России обычай получать от священника имя для новорожденного и молитву «в шапку». Священник произносил имя и начитывал молитву приехавшему «за именем» отцу или крестному родителю в шапку, которую старались без промедления надеть на голову и довести ее «содержимое» в сохранности. Затем шапку вытряхивали над новорожденным или надевали ему на голову с тем, чтобы слова священника наверняка достигли адресата. Таким же образом доставляли молитвы для больных из дальних деревень. Эта практика регулярно осуждалась церковными властями, но продолжалась вплоть до XX века (Успенский 1982, с.172-173).

Создается впечатление, что человек постоянно стремится «приручить» слово, сделать его доступным всем другим способам прочувствования. «Будьте, мои слова, тверды и крепки...». Не случайно слова *рождаются, вырываются, падают, текут, их дают, берут, они связывают человека (он связан словом), цепляются друг за друга, ими можно забросать собеседника.* А, кроме того, «слово ведунном ходит», «клад кладут со словом» и «язык словом ворочает».

Самый большой прорыв в этом направлении – создание письма и возможности **увидеть слово** и, соответственно, что-то делать с ним – исправлять, членить, корежить, строить различные композиции. Эта тема требует специального исследования. Отмечу лишь, что в таком случае появляется возможность игры не только словами, но и **со** словами, отдельными частями слов. Ср. в загадках типа:

«У Бориса спереди,

У Глеба сзади,

У девки нет до венца,

У бабы есть и будет до конца». Буки (Б). (Садовников 1959, №2270).

Но, показательно, что усвоение видимого слова происходит по прежней модели – его проглатывают. Причем это относится не только к безграмотным крестьянам, которые соскабливали буквы с выписанных врачом рецептов и съедали. Во многих «инструкциях» по использованию заговоров и молитв их требовалось сначала написать, а затем уже проглотить. На Русском Севере была широко распространена «Молитва Пафнутия», которую применяли при лихорадке. Эту молитву следовало переписать, затем привязать листок с молитвой к шее больного, после чего «положить отписанную бумажку по одному слову в сию воду и дать ему сию бумажку съесть, потом запить святой водой...» (Русские заговоры Карелии 2001, № 206).

Любопытно, что аналогичным образом поступали в самых разных местах России именно при лихорадке. Например, в Саратовской губ. «веря, что лихорадка боится рака, пишут на клочке бумажки слова «рака усень» (т.е.несу, написанное наоборот), отрывают все буквы этих страшных для лихорадки слов и дают по букве больному съесть с хлебом утром натощак» (Зеленин 1914-1916, с. 1244). В Вологодской губ. с этой же целью больного «поят водой, которой был окачен колокол, или пишут на бумажке первую главу из Евангелия от Иоанна, носят эту бумажку на кресте шесть недель, сжигают и золу проглатывают» или «пишут начальные и конечные буквы каждого слова молитвы, начинающейся словами «Иже на всякое время, на всякий час» и дают эту бумажку съесть больному» (Иваницкий 1890, с.114). Особое слово человек должен не услышать, а «съесть» или «прикоснуться» к нему. Может быть поэтому слова передаются из «уст в уста», а не из уст в уши? Ведь есть же книжное: «Из твоих уст, да Богу бы в уши».

И, наконец, несколько слов о связи слова с дыханием и душой. Как слово, так и душа выходят из человека с помощью дыхания. Точнее, дыхание оказывается для слова своего рода материалом и проводником. Аналогии между душой и словом, основанные на дыхании, как общей для них «субстанции», проводятся постоянно. Например, считается, что душу, как и слово, нельзя увидеть, но можно услышать (по стуку в окно, по шагам в доме и т.п. – Толстая 1999, с. 165). Звучанием души и звучанием слова во многом объясняется особый статус голоса в народных представлениях. Леший, завладев голосом человека, отбирает у него жизненные силы и человек умирает. Белорусы считали, что во время сна душа выходит «изо рта в виде неизмеримой ленты, которая одним концом остается в человеке, а другим может быть где хочет» (Богданович 1895, с. 48). Невольно приходит на ум традиция изображения слова или последовательности слов, выходящих из уст человека в виде такой же ленты, начиная с лубочных картинок и вплоть до комиксов.

Тема соотношения слова и души в народной традиции разработана, разумеется, не так, как в литературе. Вместе с тем, показательно, что истинное восприятие слова возможно только душой: «Не глаза видят, а человек; не ухо слышит, а душа» (Даль 1984, с. 248). А с другой стороны – в слове соединяются душа и тело и именно в нем они переживают свое истинное единство.

- Байбурин 1991 – Байбурин А.К. Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб.
- Байбурин 1995 – Байбурин А.К. «Развязывание ума» // Лотмановский сборник 1. М.
- Байбурин 1998 – Байбурин А.К. Чудесное знание и чудесное рождение // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М.
- Богданович 1895 – Богданович А.Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Гродно.
- Гаген-Торн 1933 – Гаген-Торн Н.И. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // Советская этнография 1933, №5/6
- Дивильковский 1914 – Дивильковский. Уход и воспитание детей у народа. Первое детство // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск.
- Даль 1955 – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М.
- Даль 1984 – Даль В. Пословицы русского народа. Т. I. М.
- Добровольская 2001 – Добровольская В.Е. Институт повивальных бабок и родильно-крестильная обрядность (по материалам экспедиций 1994-1997 гг. в Судогодский район Владимирской области) // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М.
- Зеленин 1991 – Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.
- Иваницкий 1890 – Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 2. Вып. 1. М.
- Кабакова 2001 – Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М.
- Логинов 1993 – Логинов К.К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск.

- Мазалова 1977 – Мазалова Н.Е. Жизненная сила севернорусского «знающего» // Живая старина, №4.
- Мазалова 2001 – Мазалова Н. Е. Состав человеческий. Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб.
- Майков 1994 – Майков Л.Н. Великорусские заклинания. СПб.
- Михайловская 1925 – Михайловская М.В. Карельские заговоры, приметы и заплачки // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 5. Вып. 2. Л.
- Никифоровский 1897 - Никифоровский Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи ... в Витебской Белоруссии. Витебск.
- Панкова 1993 – Панкова В.Ю. Терминология и обрядовые функции хлеба в южнославянских родинных обрядах // Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения II. М.
- Раденкович 1999 – Раденкович Л. Голос в народных заговорах южных славян // Мир звучащий и молчаливый. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М.
- Русские заговоры Карелии 2001 – Русские заговоры Карелии. Петрозаводск.
- Садовников 1959 – Садовников Д.Н. Загадки русского народа. М.
- Сержпутоускі 1998 – Сержпутоускі А.К. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў. Мінск.
- Смирнов 1920 – Смирнов Вас. Народные похороны и причитания в Костромском крае // Второй этнографический сборник. Труды Костромского Научного Общества по изучению местного края. Вып. 15. Кострома, 1920.
- Стефанов 1888 – Стефанов Т. Обряды и обычаи, соблюдаемые жителями г.Ейска Кубанской области, при рождении человека, бракосочетании и погребении умерших // СМОМПК. Вып.6. Тифлис.
- Толстая, 1999 – Толстая С.М. Душа // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н.И.Толстого. Т.2. М.
- Успенский 1982 – Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М.
- Яковлев 1906 – Яковлев Г. Пословицы, поговорки, крылатые слова, приметы и поверья, собранные в Сагунах Острогужского у. // Живая старина. Вып. 4.